К. СИМОНОВ

ПОДВИГ КАПИТАНА САБУРОВА

ДЕТГИЗ · 1949

Всем кто любит книги и хочет внести свою скромную лепту в дело спасения советских книг от уничтожения, а также сохранения знаний и просто доброй детской литературы для будущих поколений.

По этой ссылке можно пройти на форум, где делают качественные книги.

Создание электронных книг, ссылка на форум publ.lib.ru

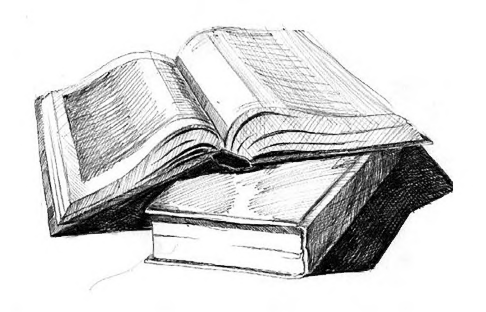
Ссылка на форум с описанием работы в программе СканКромсатор

А здесь обсуждается работа в ScanTailor.

Если вы не хотите, либо не умеете делать электронные книги, но хотите помочь в оцифровке книг и можете отсканировать книгу и поделиться **качественными** сканами, то вам сюда.

Здесь будут собираться ссылки на видео по обработке книг.

Обработаю ваши сканы, советской художественной литературы 50-х годов, а также детские книги советской эпохи. Я здесь.

Обработка:
krestik

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

К. СИМОНОВ

ПОДВИГ КАПИТАНА САБУРОВА

РИСУНКИ П. ЛУГАНСКОГО

Государственное Издательство
Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

Советский писатель, лауреат Сталинской премии, Константин Михайлович Симонов во время Великой Отечественной войны работал корреспондентом центральных газет. Он был свидетелем сталинградской битвы. В своей повести «Дни и ночи» Симонов рассказал о героических защитниках Сталинграда.

Дни и ночи сражались за город-герой бойцы и командиры Советской Армии, превратив в крепость каждую улицу, каждый дом.

Шла небывалая в истории войн битва. Защитники Сталинграда выполняли Сталинский приказ: стоять насмерть, задержать и не пустить фашистов за Волгу, разбить их главные силы.

Приказ был выполнен.

О подвиге одного из участников сталинградской битвы, капитане Сабурове — главном герое повести «Дни и ночи», — и рассказано в отрывке «Подвиг капитана Сабурова».

Усталый, после только что выдержанного жестокого боя, капитан Сабуров получает боевое задание: связаться с отрезанной частью полковника Ремизова и передать ей приказ командования. От выполнения его зависело возвращение участка берега Волги, захваченного фашистами.

Безграничная любовь к Родине, высокая дисциплина и воинское мастерство помогли капитану Сабурову выполнить приказ.

Было уже темно. Совсем близко полукольцом над передним краем немцев висели их сигнальные белые ракеты. Сабуров шёл рядом с автоматчиком, спотыкаясь и чувствуя, что он страшно устал и засыпает на ходу.

— Погоди, — сказал он на середине пути. — Дай сяду.

Он присел на обломок кирпича и с горечью подумал, что, должно быть, стареет или начинает уставать не той усталостью, которая приходит каждый день к вечеру, а длинной, непроходящей, которой больны уже многие люди, провоевавшие полтора года. Они посидели несколько минут и пошли дальше.

Проценко они нашли не сразу. Их не предупредили, а он, оказывается, за эти четыре дня, что у него не был Сабуров, переместился. Теперь его

командный пункт был, как и у Сабурова, в подземной трубе, но только в огромной, четырёхметровой, которая служила главной городской магистралью, спускавшейся к Волге.

— Ну, как тебе нравится новое помещение, Алексей Иванович? — спросил Проценко у Сабурова. — Хорошо, правда?

— Неплохо, товарищ генерал. И главное, пять метров над головой.

— Как бомба ударяет, только посуда в доме сыплется, больше ничего. Ну, садись.

Сабуров сел.

— Чаю, — сказал Проценко.

Ординарец быстро подал чай.

— Пей.

Сабуров выпил, обжигаясь, кружку горячего чаю. Он надеялся, что сон соскочит с него, но сон не пропадал. Он с трудом удерживался от того, чтобы не клевать носом при генерале.

— Ты всё на прежнем месте? — спросил Проценко.

— Да.

— Значит, ещё не разбомбили?

— Выходит так, товарищ генерал.

Сабуров заметил, что во время этого разговора Проценко так внимательно присматривается к нему, словно видит впервые.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Проценко.

— Хорошо.

— Да я не про батальон, а про тебя. Как ты себя чувствуешь? Поправился?

— Поправился, — сказал Сабуров.

Проценко помолчал и снова внимательно посмотрел на Сабурова.

— Я хочу, Алексей Иванович, дать тебе одно

задание, — сказал он вдруг строго, как бы удостоверившись, что задание это он может дать и что Сабуров его осилит. — Ремизова отрезали.

— Знаю, товарищ генерал, — сказал Сабуров.

— Знаю, что знаешь. Но мне от этого не легче. Я знаю, что его отрезали, но не знаю, как там у него: кто жив, кто убит, сколько осталось, что могут сделать, чего не могут, — ничего не знаю. А я должен знать и сегодня же, — понимаешь?

— Понимаю.

— Потом, может быть, легче будет, когда Волга станет, по льду можно будет обходить. А сегодня нужно итти по берегу. Я проверял. В принципе пройти там можно, потому что немцы до самого обрыва дошли, но вниз не спустились. Мы отсюда не дали это сделать, а Ремизов, наверное, оттуда не дал. В общем, с откоса они не спускаются. Придётся тебе пройти под откосом низом. И выполнить это... — Проценко сделал паузу, посмотрел на усталое лицо Сабурова и жёстко добавил: — Сегодня же ночью. Мне нужно, чтобы пошёл человек не просто так, а чтобы мог мне всё точно узнать и, если все выбиты, взять на себя команду. Так вот, в зависимости от обстановки, я или буду ждать тебя обратно сегодня ночью или, если ты останешься там, буду ждать того, кого ты пришлёшь. Как — один пойдёшь или автоматчика с собой возьмёшь?

Сабуров на секунду задумался.

— Немцев на самом берегу нет?

— Маловероятно.

— Если нарвусь на немцев, так и два автоматчика меня всё равно не выручат, — пожал плечами Сабуров. — А если просто обстрел — так одному незаметнее. По-моему, так.

— Ну, как знаешь.

Сабурову очень хотелось посидеть ещё минут пять здесь, в тепле и безопасности, но он поймал глазами движение Проценко, готовившегося встать, что означало бы окончание разговора, и поспешил подняться первым.

— Разрешите итти?

— Иди, Алексей Иванович.

Проценко встал, пожал ему руку не крепче и не дольше обычного, словно хотел сказать этим, что всё должно быть в порядке и незачем прощаться как-то по-особенному.

Сабуров вышел за перегородку, во второе отделение блиндажа, где сидел знакомый ему адъютант Проценко — Востриков, парень недалёкий и вечно всё путавший, но ценимый генералом за безграничную храбрость.

— Идёте, товарищ капитан? — спросил Востриков.

— Да. Слушай, Востриков, я у тебя автомат оставлю.

— Хорошо, будет в сохранности.

Сабуров поставил в угол автомат.

— Теперь вот что ещё. Дай мне две «лимонки», а лучше штуки три или четыре. Есть?

— Есть.

Востриков порылся в углу и, не без некоторого душевного сожаления, дал Сабурову четыре маленьких гранаты Ф-1; они были у него уже с аккуратно привязанными верёвочками, чтобы подвешивать к поясу. Сабуров, не торопясь, подвесил их по две с каждой стороны, предварительно попробовав, крепко ли сидят в них кольца.

— Тише, — сказал Востриков, — выдернете ещё.

— Ничего.

Пристроив гранаты, Сабуров отстегнул неудобную треугольную немецкую кобуру, положил её рядом с автоматом, а парабеллум засунул под ватник, за пазуху.

Сабуров пожал руку Вострикову и вышел.

Проценко, оставшись один, задумался. В сущности говоря, он посылал Сабурова не потому, что ему больше некого было послать, а потому, что Сабуров уже раз наладил ему связь с армией, и у него было сейчас чувство, что именно Сабуров

должен дойти и сделать. И хотя было очевидно, что сделать это почти невозможно, но всё-таки чувство это не исчезло у Проценко. Он сидел за столом и неторопливо и подробно обдумывал предстоящее. Вернётся ли Сабуров или, оставшись там за командира полка, пришлёт кого-нибудь сюда, всё равно, так или иначе, эти четыреста метров обрыва, на которые выскочили немцы, надо взять обратно.

Чем же, какими же силами отбивать берег? О том, чтобы взять с позиций хотя бы один батальон, не могло быть и речи: надо было отовсюду, из каждого батальона вытягивать по нескольку десятков людей и создавать к завтрашней ночи сборный штурмовой отряд. Только так, другого выхода не было.

— Ну, как же вы решили, товарищ генерал? — спросил начальник штаба.

Проценко взял листок бумаги и сам подсчитал состав отряда.

— Вот, — сказал он, — здесь написано, по сколько человек откуда взять. За ночь выведи людей сюда в овраг. Днём сколотим их, подготовим, а завтра ночью, будем живы, отберём берег.

Проценко был мрачен. Его лицо ни разу не осветила обычная хитрая улыбка.

— Подпишите донесение в штаб армии, — сказал начальник штаба, вынув из папки бумагу.

— О чём донесение?

— Как всегда, о событиях.

— О каких событиях?

— О сегодняшних.

— О каких?

— Как о каких? — с некоторым недоумением и раздражением переспросил начальник штаба. —

О том, что немцы к Волге вышли, о том, что Ремизова отрезали.

— Не подпишу, — сказал Проценко, не поворачивая головы.

— Почему?

— Потому что не вышли и не отрезали. Задержи донесение.

— А что же доносить?

— Сегодня ничего.

Начальник штаба развёл руками.

— Знаю, — сказал Проценко. — За задержку донесения на сутки беру ответственность на себя. Отобьём берег и донесём всё сразу. Если отобьём, нам это молчание простят.

— А если не отобьём? — спросил начальник штаба.

— А если не отобьём, — сказал Проценко с мрачной серьёзностью, вообще ему не присущей, — то некого будет прощать. Я сам поведу штурмовой отряд. Понятно? Что ты смотришь, Егор Петрович? — другим тоном сказал он начальнику штаба. — Что ты на меня смотришь? Думаешь, я ответственности боюсь? Не боюсь. Не боялся и не боюсь. А не хочу, чтобы знали, что немцы ещё и здесь на берег вышли. Да, не хочу. Я в штаб армии сообщу, из штаба армии в штаб фронта, из штаба фронта — в главную ставку. Не хочу. Это же для всей России огорчение. Понимаешь? Не хочу всю Россию огорчать. Всё равно, если сообщу, скажут: «Отбивай, Проценко, отбивай». И ни одного солдата не дадут. Так я лучше сам, без приказов, отобью. Я все огорчения на одного себя беру. Понимаешь?

Начальник штаба молчал.

— Ну, если понимаешь, — сказал Проценко, — так хорошо.

Потом он вышел из блиндажа. Ночь была тёмная, свистел ветер и шёл крупный снег. Проценко посмотрел вниз. Там, в просвете между развалинами, видна была замёрзшая Волга. Отсюда, сверху, она казалась неподвижной и совсем белой. Пятна изморози лежали кругом на земле. Кое-где в ямках уже плотно лежал падавший весь день снег. Правее по берегу часто хлопали миномёты и слышалась автоматная перестрелка.

Проценко подумал о Сабурове, который сейчас, наверное, уже полз там, и невольно поёжился. Земля была холодная, мокрая, ползти по ней, конечно, было тяжело, а умереть, упав на эту скользкую холодную грязь, ещё тяжелее и обиднее.

В той роте, которая стояла на берегу, Сабуров взял автоматчика и с ним вместе добрался до одиноко высившихся впереди развалин, где стояли последние пулемёты и откуда вниз надо было спускаться прямо к Волге и ползти мимо немцев.

Командир роты предложил ему взять автоматчика с собой до конца, до Ремизова, но он отказался, так же, как и у Проценко.

Цепляясь за торчавшие на земле кирпичи и застывшие комья грязи, он тихо спустился вдоль откоса и теперь был на самом берегу. Он хорошо помнил это место: когда-то, вначале, во время переправы они высаживались именно здесь. Узкая полоска берега была совсем отлогой, и сразу над ней, уступами, поднимались глинистые террасы. Кое-где высились остатки пристаней, на земле были разбросаны обгорелые брёвна. С Волги дул холодный ветер. Едва Сабуров спустился вниз, как почувствовал, что его прохватывает насквозь.

Река была белая. Если бы он вздумал итти около самой воды, то его силуэт на белом фоне

был бы заметен сверху. Поэтому он решил итти чуть выше и ближе к обрыву. Отправляясь, он договорился с командиром роты, что, как только немцы откроют по нему огонь, рота тоже откроет огонь из пулемётов по всему откосу. Это была, правда, ненадёжная помощь, но всё-таки помощь на всей первой половине пути: дальше предстояло самое трудное. Ремизова нельзя было предупредить никакими способами, и, заметив человека,

оттуда, несомненно, должны были открыть огонь. Оставалось полагаться только на собственное счастье.

Первые сто метров он прошёл, не ложась на землю, стараясь двигаться как можно бесшумнее и в то же время быстрее. Никто не стрелял. На берегу было пустынно; один раз он только споткнулся обо что-то и упал на руки. Приподнимаясь, он ощупал препятствие — это был окоченевший мертвец, и в темноте трудно было узнать — свой это или немец. Сабуров перешагнул через труп.

Но едва он сделал два шага, как впереди него прошла сверху косая очередь трассирующих пуль. Должно быть, он при падении всё-таки произвёл шум. Он быстро отполз в сторону и прилёг за выкинутыми на берег обгорелыми брёвнами. Немцы дали ещё несколько очередей и на мгновение осветили кусок берега позади Сабурова, там, где лежал мертвец. Немцы принимали его за живого. Очереди ложились всё ближе, и, наконец одна попала прямо в труп. Лёжа за брёвнами, Сабуров продолжал ждать. Видимо, считая, что нарушивший тишину убит, немцы прекратили огонь.

Сабуров пополз дальше. Теперь он полз, не отрываясь от земли и стараясь не производить ни малейшего шума. Ещё два или три раза он натыкался на мёртвые тела. Потом больно ударился о камень и тихо, про себя, выругался. Ему показалось, что впереди что-то шевелится. Он остановился и прислушался. Послышался плеск воды. Он тихо прополз ещё несколько шагов. Плеск теперь был слышнее. Это был такой звук, словно черпали ведром воду. Он вдруг вспомнил, как в детстве, поспорив с товарищами, пошёл ночью через всё городское кладбище и, в доказательство того, что

он это сделал, принёс фарфоровые цветочки из венка, висевшего на могиле в самом конце кладбища. Сейчас ему было жутко почти так же, как тогда.

Тишина, темнота, одиночество и этот странный шум.

Он прополз ещё несколько шагов и увидел появившуюся из-за обломков лодки согнувшуюся фигуру. Человек пошёл сначала как будто мимо, потом, огибая наваленные брёвна, двинулся прямо к нему.

Сабуров ждал. У него не было никаких мыслей, было только ожидание: вот сейчас тот ступит ещё раз, потом ещё раз, и потом можно будет до него дотянуться. Когда человек сделал ещё шаг, Сабуров протянул вперёд руку, схватил его за ногу и дёрнул к себе.

Человек упал, страшно закричал, и в ту же секунду что-то ударило Сабурова по голове и холодная вода окатила его всего. Человек закричал не по-русски и не по-немецки, а просто отчаянно: «А-а-а. . .» Сабуров изо всей силы ударил его кулаком по лицу. Тогда, крикнув что-то по-немецки, человек схватил его за руку и вцепился в неё зубами. Сабуров, чувствуя, что теперь уже всё равно, тихо или нет, вытащил свободной рукой парабеллум и несколько раз подряд выстрелил, прямо упирая дуло револьвера в тело немца. Тот дёрнулся и затих.

Сверху раздались автоматные очереди, и пули осыпали землю кругом. Несколько пуль с грохотом ударилось в ведро. Сабуров ощупал это лежавшее рядом с ним ведро, к которому была привязана верёвка, и понял, что немец, очевидно, ходил к Волге за водой.

Сверху стреляли всё чаще.

«Спустятся или нет? — подумал Сабуров. — Нет, не спустятся, побоятся». Он решил так, потому что стреляли сразу отовсюду, беспорядочно и наугад.

Он лёг, подперев плечом труп, который таким образом полулежал на нём и закрывал его от пуль.

«Когда же кончится?» — подумал Сабуров. Он чувствовал, что коченеет, потому что немец, падая, вылил на него воду из ведра. Было невероятно холодно. Сверху продолжали стрелять, и так они могли стрелять всю ночь. Сабуров решительно сбросил с себя мертвеца и пополз. Пули ударялись в землю то впереди, то позади него, и, когда он прополз шагов тридцать, а стрелять продолжали чуть ли не вдоль всего берега, к нему, — именно потому, что стреляли так много, — вернулось ощущение, что в него не попадут.

Он прополз пятьдесят, сто шагов. По берегу всё ещё стреляли. Ещё пятьдесят шагов. . .

Руки его так окоченели, что уже не чувствовали земли. Были хорошо видны огоньки выстрелов там, на обрыве, откуда стреляли. Теперь и сзади, откуда он шёл, и спереди, от Ремизова, виднелись трассы пуль, шедшие по направлению к стрелявшим немцам. Перестрелка разгоралась всё сильнее, немцы стали всё реже стрелять вниз и чаще отвечать влево и вправо. Тогда Сабуров вскочил и побежал, — он больше не мог ползти. Он бежал, спотыкаясь, перепрыгивая через брёвна. У него мелькнула мысль: там, у Ремизова, должны понять, что немцы стреляют по какому-то из наших. Несмотря на грязь и темноту, он бежал отчаянно-быстро. Он остановился, вернее упал, только тогда, когда кто-то подставил ему ногу. Он упал лицом в грязь, ушиб плечо;

кто-то в это время сел ему на спину и стал крутить руки.

— Кто? — спросил хриплый голос.

— Свои, — почему-то всё ещё шопотом сказал Сабуров и, чувствуя, как ему выкручивают пальцы, толкнул свободной рукой одного из навалившихся на него так, что тот покатился.

— Чего пихаешься? — послышался голос.

— Говорю, свои. Ведите меня к Ремизову.

Немцы, должно быть, услышали возню и пустили сюда несколько очередей. Кто-то всхлипнул.

— Что, ранило? — спросил голос.

— В ногу, больно.

— Сюда, — сказал кто-то и, схватив Сабурова за руку, потащил его вперёд.

Они пробежали несколько шагов и спрятались за остатками фундамента.

— Откуда? — спросил тот же голос.

— От генерала.

— Кто это? В темноте не вижу.

— Капитан Сабуров.

— А, Сабуров... Ну, а это Григорович, — и голос сразу стал знакомым Сабурову. — Это ты мне плюху заехал? Ну, ничего, от старого друга.

Григорович был одним из командиров штаба, которого Проценко месяц назад, по его просьбе, отправил командовать ротой.

— Пойдём к Ремизову, — сказал Григорович.

— Ремизов жив?

— Жив, только лежит.

— Что, тяжело ранили?

— Да не так, чтобы очень тяжело, — сказал Григорович с коротким смешком, — а неудобно ранили. Он сегодня весь день ругается, без всякой передышки. Ему, по-научному говоря, в ягодицы из автомата всадили, так он или лежит на животе, или ходит, а сидеть не в состоянии.

Сабуров невольно рассмеялся.

— Чего ты смеёшься? — спросил Григорович.

— Да так, смешно.

— Тебе смешно, — сказал Григорович, — а нам он тут на почве дурного настроения весь день такую баню задаёт. Нам не до смеха.

Сабуров нашёл Ремизова в тесном блиндажике, лежащим на койке плашмя, с подушками, подложенными под голову и грудь.

— От генерала, что ли? — нетерпеливо спросил Ремизов.

— От генерала, — сказал Сабуров. — Здравствуйте, товарищ полковник!

— Здравствуйте, Сабуров! Я так и думал, что кто-нибудь от генерала, и велел стрельбу не открывать. Ну, как там у вас?

— Всё в порядке, — сказал Сабуров, — за исключением того, что от генерала Проценко до полковника Ремизова приходится ползать на животе.

— Хуже, когда приходится лежать на животе, — сказал Ремизов. Потом, хитро прищурившись, посмотрел из-под густых седых бровей на Сабурова и спросил: — Вам уже, наверное, говорили о моём ранении?

— Говорили, — сказал Сабуров.

— Ну, конечно, рады позлословить. «Командир полка ранен в интересное место. . .» Погодите, погодите, — вдруг перебил он самого себя, — да что вы весь в крови? Ранены, что ли?

— Нет, — сказал Сабуров. — Немца убил.

— Ну, снимите хоть этот ватник, что ли. Эй, Шарапов, дай капитану умыться и ватник мой дай! Снимайте.

Сабуров стал расстёгиваться.

— Ну, что вам генерал приказал?

— Уточнить положение и сообщить, — сказал Сабуров, умалчивая о том, что Проценко предполагал худшее и приказал ему возглавить полк.

— Ну, что же, положение, — сказал Ремизов, — положение не столько плохое, сколько постыдное. Отдали кусок берега. Комиссар полка убит. Два командира батальонов убиты. Я, как видите, жив. Надо восстанавливать положение. Как генерал настроен восстанавливать положение?

— Думаю, в предвидении этого он меня и послал, — сказал Сабуров.

— Я тоже так предполагаю. Ну, с двух сторон восстанавливать надо, разумеется, — сказал Ремизов. — Значит, обогреетесь, придётся вам двигаться обратно.

— Придётся, — сказал Сабуров.

— А можете остаться у меня, командира туда пошлю. Как вам приказано?

— Нет, я вернусь, — сказал Сабуров.

— Семён Семёнович! — крикнул Ремизов.

Вошёл майор, начальник штаба.

— Схемочка нашего расположения сделана?

— Сейчас кончим, — сказал начальник штаба. — Уточняем.

— Ну, давайте скорее, скорее, батенька. Шевелитесь! . . Вы меня опередили, — обратился Ремизов к Сабурову, — я сам хотел командира посылать. Вот схемочку готовили, чтобы точно всё было, из-за этого задержался. Сейчас подготовят, я с вами командира пошлю. Филипчука знаете?

— Нет, не знаю, — сказал Сабуров.

— Из моего полка. Хороший, смелый командир. Пойдёт с вами. Вот схемку подготовят, и пойдёте.

Ремизов попробовал приподняться.

— Представляете, куда угодил? У меня такой характер скверный, что я бегать всё время должен: и думать не могу, не бегая, и командовать не могу, — ничего не могу. Не знаю, откуда это у меня. Всё-таки шестой десяток, пора бы уже отвыкнуть. . . Шарапов! — снова крикнул он.

Появился ординарец.

— Шарапов, помоги мне с койки слезть.

Шарапов взял его за плечи и помог встать. Ремизов кряхтел, стонал и ругался и всё это успе-

вал делать как-то сразу. Поднявшись, он, морщась от боли, пробежал несколько раз взад-вперёд по блиндажу.

— Схемочка готова?

— Готова, — сказал майор, подавая бумагу.

— Вот тут при схемочке всё записано, — взяв, скорее вырвав, у майора бумагу и продолжая бегать, сказал Ремизов. — Всё написано, чтó у меня где стоит и чтó можно сделать с моей стороны. Знаете, как-то сразу вышло: обоих командиров батальонов убили, комиссара убили и меня ранили, — в течение получаса всех. Как раз в этот момент и вышла вся история.

— Потерь много? — спросил Сабуров.

— Одного батальона почти нет. Того, который берег занимал. А два почти так, как были. В общем, сражаться ещё можно, вполне можно.

— Как, Филипчук, собрался? — крикнул Ремизов.

— Собрался, — ответили из другой половины землянки.

— Ну, сейчас пойдёте. Боже ты мой, да как же я вам ничего выпить не предложил! Шарапов!

Шарапов подскочил к полковнику.

— Выпить. Я не вспомнил, старый осёл, а ты что же?

— Есть, — сказал Шарапов и тут же, не сходя с места, отцепил от пояса немецкую флягу, отстегнул от неё стаканчик, налил и подал Сабурову.

Сабуров залпом выпил, у него перехватило горло, и он закашлялся, — это был спирт.

— Ах, я забыл вас предупредить. А ты сообщить должен, — сказал Ремизов Шарапову: — «Разрешите доложить, товарищ командир, это есть спирт». Понял?

— Понял, — сказал Шарапов.

— Помоги мне.

Шарапов подошёл к Ремизову, и снова с кряхтеньем и стонами повторилась та же операция в обратном порядке.

— Не могу всё-таки ходить, — сказал Ремизов, улёгшись и отдышавшись. — А характер не позволяет лежать. Несколько раз был ранен, но такого идиотского, с позволения сказать, ранения... Честное слово, если бы я того немца-автоматчика поймал, который мне это сделал, то против всех воинских законов просто взял бы его и выпорол. Эдакое свинство. Ну, кому же приказ передать — вам или Филипчуку? Филипчук!

— Здесь.

В блиндаж вошёл рослый человек в ватнике, с автоматом.

— Мне дайте, — сказал Сабуров. — Я сюда шёл, авось, и обратно дойду.

— Ну, берите. Доложите генералу, что полковник Ремизов сделает всё, чтобы вернуть берег, искупит свою вину сам. И других заставит искупить, — добавил он сердито, кивнув на своих командиров штаба. — Доложите: настроение бодрое, к бою готовы. Про ранение моё сказал бы вам, чтобы не докладывали, но знаю, всё равно не удержитесь. К вам, Филипчук, — сказал Ремизов, обращаясь к ожидавшему командиру, — единственная просьба и приказание: добраться до штаба и вернуться сюда живым и здоровым.

— Есть, — сказал Филипчук.

— Ну, вот и всё. Да, вот ещё что...

Но, прервав себя на полуслове, Ремизов зажмурил глаза и стиснул зубы. Так он пролежал несколько секунд, и Сабуров понял, что старик говорит через силу, превозмогая боль.

— Так вот ещё что, — открыв глаза, прежним

тоном сказал Ремизов. — Мне кажется, что сегодня на рассвете и днём возвращаться не надо. Немцы будут ждать контратаки. Сегодня надо удержаться там, где находимся, подготовиться, а завтра ночью, когда они уже будут считать, что мы примирились с положением, надо будет как раз и ударить. Доложите это моё мнение генералу. Готовы, Филипчук?

— Так точно, готов.

— Ну, пойдите сюда.

Филипчук подошёл к его койке. Ремизов крепко стиснул руку сначала ему, потом Сабурову и одновременно окинул их обоих быстрым взглядом своих голубых, окружённых сетью старческих морщинок, глаз. В этом взгляде были и тревога, и молчаливое пожелание доброго пути; и Сабуров почувствовал, что этот маленький свирепый полковник, несмотря на свою сердитую манеру разговаривать, был, наверное, человеком хорошей и весёлой души.

— Идите, идите, — сказал им вдогонку Ремизов. — Буду ждать с нетерпением.

Они дошли до обломков дома, около которого Сабурова схватили полчаса назад. Там попрежнему сидел Григорович.

— Сабуров? — спросил он тихо.

— Да.

— Обратно идёшь?

— Да, обратно.

— Ну, желаю счастья.

Григорович придвинулся ближе и пожал руку Сабурову и Филипчуку. На голове у него белела повязка.

— Что это у тебя? — спросил Сабуров.

— Ещё спрашиваешь! Рука-то у тебя, как кувалда. Разбил мне ухо.

— Ну прости, — сказал Сабуров.

— Ладно. Между прочим, немцы разволновались. Видишь, шарят по всему берегу. Туго вам придётся.

Сабуров посмотрел вперёд. На обрыве то там, то тут вспыхивали автоматные очереди.

— Придётся всю дорогу ползти, — тихо сказал он Филипчуку.

— Хорошо, — ответил тот.

— Да, на всякий случай, я пакет прямо за пазуху, вот сюда кладу, — сказал Сабуров. Он взял руку Филипчука и дал ему пощупать пакет. — Чувствуете, где?

— Чувствую, — сказал Филипчук.

— Ну, ладно, поползли.

Для Сабурова, отличавшегося острой памятью, теперь берег был уже почти знаком. Он вспоминал одно за другим все бревна и нагромождения камней, за которыми можно было укрыться.

Филипчук полз за ним. От времени до времени, когда пули ударялись особенно близко, Сабуров, поворачиваясь, спрашивал: «Ты здесь?» И Филипчук тихо отвечал: «Здесь». Посредине пути немцы стреляли особенно яростно... Пули шлёпались всё ближе, и Сабуров каждую минуту спрашивал Филипчука: «Ты здесь?» — «Здесь», — отвечал Филипчук.

По расчётам Сабурова, они уже приблизились к передовому посту с той стороны, когда вокруг них сразу ударило несколько очередей.

— Ты здесь? — спросил Сабуров.

Филипчук молчал. Сабуров, не поднимаясь, прополз два шага обратно и нащупал тело Филипчука.

— Ты здесь? — спросил он.

— Здесь, — чуть слышно сказал Филипчук.

— Что с тобой?

Но Филипчук больше уже не отвечал. Сабуров ощупал его. В двух местах — на шее и на боку — под ватником было мокро от крови. Он прижался к губам Филипчука. Филипчук дышал. Сабуров подхватил его одной рукой подмышки и, подтягиваясь на другой руке и отталкиваясь ногами, пополз дальше. Так продолжалось ещё шагов тридцать. Сабуров почувствовал, что изнемогает от усталости. Он отпустил Филипчука и лёг рядом с ним.

— Филипчук, а Филипчук? — прошептал он.

Филипчук молчал.

Сабуров опять прильнул к его губам, и ему показалось, что Филипчук не дышит. Он залез руками под ватник, под гимнастёрку и дотронулся до тела Филипчука. Тело заметно похолодело. Сабуров расстегнул карманы гимнастёрки Филипчука, вынул пачку документов, потом вытащил из кобуры наган, засунул его к себе в карман брюк и пополз. Ему не хотелось оставлять здесь тело Филипчука, но пакет, лежавший у него за пазухой, не позволял долго раздумывать.

Когда он прополз ещё пятьдесят шагов и был уже в полном изнеможении, впереди послышался свистящий шопот: «Кто?»

— Свои, — тоже шопотом ответил Сабуров, встал на онемевшие ноги и, не видя ничего перед собой, пошёл вперёд.

Оказалось, что ему нужно было сделать всего три шага до выступа стены, где его ждали.

— Командир роты где? — спросил он.

— Здесь.

— Там, шагах в пятидесяти, лежит командир, с которым я полз.

— Раненый? — спросил командир роты.

— Нет, убитый, — сказал Сабуров сердито, чувствуя за этими словами вопрос: вытаскивать или нет. — Убитый, но его всё равно надо вытащить. Понятно?

— Понятно, товарищ капитан, — сказал командир роты.

— Вы документы взяли с него?

— Взял, — сказал Сабуров.

— Ну, так что же, товарищ капитан? Ему всё равно. . . легче не будет. А двух человек мне посылать, — пропасть могут.

— Я вам уже приказал вытащить, — сказал Сабуров.

— Есть, товарищ капитан, — сказал командир роты, — но. . .

— Что «но»?

— В другое время я бы не сказал, а сейчас у меня каждый человек на счету.

— Вот что: если не вытащите, — с неожиданным для себя бешенством сказал Сабуров, — я отнесу пакет к генералу, потом сюда вернусь, сам вытащу, а вас за невыполнение приказания расстреляю. Дайте мне провожатого, чтобы я скорее дошёл до штаба.

Он повернулся и нетвёрдой походкой, вслед за автоматчиком, двинулся к блиндажу Проценко. Сейчас он почувствовал, что ещё секунда, и он мог бы ударить командира роты. Может быть, тот был по-своему прав и люди у него были на счету, но в том, чтобы вытащить тело убитого командира, было что-то такое важное и святое для армии, что, на взгляд Сабурова, оправдывало даже потери, если они были неизбежны.

Когда Сабуров ввалился в блиндаж, у него потемнело в глазах, и он сразу сел на лавку. Потом открыл глаза, хотел встать, но Проценко, который был уже рядом, положил руку ему на плечо и посадил его обратно.

— Водки выпьешь?

— Нет, товарищ генерал, не могу, — устал я, свалюсь от неё. Если бы чаю. . .

— А ну дайте ему скорее чаю! — крикнул Проценко. — Ремизов жив?

— Жив, только ранен. Вот от него пакет. — Сабуров полез под ватник и вынул пакет.

— Хорошо, — сказал Проценко, надевая очки.

Сабуров, увидев, что Проценко читает донесение, подумал, что сейчас есть минута, чтобы отдохнуть. Едва успев об этом подумать, он привалился в угол, к стене, и только когда Проценко, неизвестно через сколько времени, тряхнул его за плечо, он понял, что заснул.

— Проснулся? — спросил Проценко.

Сабуров попытался встать.

— Сиди, сиди.

— Я долго спал?

— Долго. Минут десять. Ремизов ранен, говоришь?

— Ранен.

— Куда?

Сабуров сказал, куда ранен Ремизов и как он мучается. Как и предвидел Ремизов, Проценко невольно рассмеялся.

— Небось, ругается старик? — спросил он у Сабурова.

— Ещё как.

— Какое настроение у них?

— По-моему, хорошее, — сказал Сабуров.

— Он мне пишет, что может собраться с силами и со своей стороны по немцам ударить. Тоже с таким положением мириться не хочет, — и Проценко постучал пальцем по бумаге, которую он держал в руке. — Ты один пришёл оттуда?

— Один.

— Что же он тебе командира не дал для связи, чтобы его обратно послать можно было? Вот старый, старый, а тоже маху даёт.

— Он дал мне командира, — сказал Сабуров, — его убили по дороге.

Только теперь вспомнив, что у него документы и оружие Филипчука, Сабуров выложил всё на стол.

— Так, — сказал Проценко и нахмурился. — Сильно по тебе стреляли?

— Сильно.

— Днём не пройти там?

— Днём совсем не пройти, — сказал Сабуров.

— Да... — опять протянул Проценко. Он, очевидно, хотел что-то сказать и не решился. — А мне завтрашней ночью штурм делать уже. Как же это его убили?

— Кого?

— Да вот его, — Проценко кивнул на лежавшие перед ним документы Филипчука.

— Смертельно ранили, потом я его тащил, и он умер у меня на руках.

— Да... — опять протянул Проценко.

У Сабурова смыкались глаза от усталости. Он смутно чувствовал, что Проценко хочет послать его обратно к Ремизову, но не решается об этом сказать.

— Слушай, Егор Петрович, — сказал Проценко сидевшему тут же начальнику штаба. — Давай садись, приказ пиши Ремизову. Но только там всё предусмотри, как решили, — и час точный, и ракету, всё.

— Я уже пишу, — отрываясь от бумаг, сказал начальник штаба.

Проценко повернулся к Сабурову, посмотрел на его усталое лицо и чуть ли не в пятый раз опять сказал:

— Да... Ну, ты чего сидишь-то? Ты приляг пока. — Он выговорил это слово «пока» осторожно, почти робко. — Приляг пока. Ну-ну, приляг. Приказываю.

Сабуров последним усилием вскинул ноги на скамейку и, приткнувшись лицом к холодной, мокрой стене блиндажа, мгновенно заснул. Последней

блеснувшей у него мыслью была мысль о том, что, наверное, его всё-таки пошлют, ну и пусть посылают, только бы дали сейчас поспать полчаса, а там всё равно.

Проценко, медленно прохаживаясь по блиндажу, диктовал начальнику штаба текст приказа. Иногда отрываясь, он взглядывал на Сабурова. Тот спал. Проценко снова диктовал и снова взглядывал на Сабурова.

— Слушай, Егор Петрович, — прервав диктовку, вдруг сказал он. — А если Вострикова послать?

— Можно Вострикова, — сказал начальник штаба. — Вы на словах ничего не будете передавать, только приказ?

— Плохой приказ, если к нему надо ещё что-то на словах передавать.

— Ну, если на словах не передавать, можно Вострикова.

— Я бы его послал, — кивнул Проценко на Сабурова, — да трудно в третий раз за одну ночь итти.

— Итти труднее, а дойти легче, — сказал начальник штаба. — Он же на животе два раза полз, каждый бугорок, каждую ямку знает.

— Да... — уже в который раз протянул Проценко. — Придётся. Должен быть там приказ.

Он посмотрел на спящего Сабурова и задумался.

— Да, вот что, — сказал он, — придумал.

— Что придумали? — спросил начальник штаба.

— Придумал, как точно узнать, что дошёл и донёс... Алексей Иванович! — растолкал он Сабурова.

— Да, — поднялся Сабуров с той готов-

ностью, с какой спохватываются неожиданно для себя заснувшие люди.

— Вот приказ, возьми, — сказал Проценко. — Когда дойдёшь до Ремизова, то сделай так, чтобы, как только дойдёшь, дали нам сразу зелёную и красную ракету над Волгой. А если ракет у них нет, то чтобы в том же направлении в воздух одновременно три очереди из автоматов дали, трассирующими. Отсюда будет видно?

— Да, — сказал Сабуров.

— Ну, вот, буду знать, что дошёл и приказ донёс. Ты по дороге-то не заснёшь у меня? — сказал Проценко, похлопывая Сабурова по плечу. — Вдруг заснёшь, — проснёшься, а уже день!

— Не засну, — сказал Сабуров. — Немцы не дадут.

— Разве что немцы, — усмехнулся Проценко. — А сказать по чести, здо̀рово устал?

— Ничего, не засну, — повторил Сабуров.

— Ну, ладно. Садись за стол.

Сабуров присел к столу, а Проценко, приоткрыв дверь, крикнул:

— Как там насчёт чая?

Потом Проценко сам вышел за дверь и тихо отдал какое-то распоряжение. Через две минуты, когда Проценко, Сабуров и начальник штаба сидели рядом за столом, Востриков внёс медный поднос, на котором кроме трёх кружек с чаем была горстка печенья и стояла только что вскрытая банка с неведомо откуда взявшимся вишнёвым вареньем.

— Вот, — сказал Проценко, — варениками я тебя угостить не могу, а украинской вишней — пожалуйста. — Он повертел в руках банку и подчеркнул ногтём надпись на этикетке: «Держконсервтрест». Киев. Чуешь? С Киева вожу.

— Так всё время с Киева и возили? — спросил Сабуров.

— Ну, нет, приврал, конечно. Где-то под Воронежем, наверное, выдали. Люблю вишни... Ну, давайте чай пить.

Теперь уже Проценко не возвращался к своим сомнениям — посылать Сабурова или не посылать. Он инстинктивно почувствовал, что выражать излишнее сочувствие — значило только подчёркивать, что думаешь о возможной смерти человека, которого посылаешь. Вместо этого Проценко неожиданно завёл разговор о школе червонных старшин при ВУЦИКе, где он когда-то учился.

— Ничего учили, — говорил он. — Вид был хороший, форма, галифе. Между прочим, хотя тогда и не принято было, но даже танцам и хорошим манерам обучали.

— Ну, и как, обучили? — улыбнулся начальник штаба.

— Это уже тебе судить, Егор Петрович, как: обучили или не обучили?

— Честно говоря, как когда, — сказал начальник штаба.

— Правильно. Когда у меня в штабе делают по-моему, то мои хорошие манеры сохраняются, а когда не по-моему что-нибудь делают, тогда забываю я, что учили меня хорошим манерам. Такой странный характер, забывчивый.

Сабуров выпил кружку горячего чаю, и ему опять безумно захотелось спать. После второй он как будто немного разгулялся. Варенье было вкусное, вишни такие, какие он любил с детства — без косточек. Проценко приказал подать по третьей кружке. Тут Сабуров почувствовал, что пора итти. Он сделал несколько глотков и поднялся.

— Что же не допил? — спросил Проценко.

— Пора, товарищ генерал. Разрешите итти?

— Иди. Значит, если ракет нет, — три автоматных очереди.

— Ясно, — сказал Сабуров.

— В сторону Волги...

— Ясно.

Откозыряв, Сабуров повернулся и вышел. Проценко и начальник штаба помолчали.

— Ну, как, — обратился Проценко к вошедшему штабному командиру, — людей из батальонов вывели сюда?

— Кончают выводить.

— Поторапливайтесь, скоро рассвет. Тогда выводить будете — больше людей потеряете... Значит, дойдёт? — вспоминая о Сабурове, сказал Проценко начальнику штаба.

— По-моему, да.

— По-моему, тоже. Была у меня минута, когда, отправляя его, знаешь, хотел сказать прямо: дойдёшь в третий раз — орден Ленина тебе, генеральское слово. Не утвердят, — свой сниму, отдам, пусть потом хоть судят.

Тем временем Сабуров полз по окончательно обледеневшей земле. То ли дело близилось к рассвету и немцы считали, что никто здесь больше не пойдёт, то ли им просто надоело всю ночь стрелять по берегу, но он уже прополз половину пути, а сверху не грохнуло ни одного выстрела. Его даже начинало пугать это. Он взвёл парабеллум и снял его с предохранителя, потом, отвязав от пояса одну «лимонку», взял её в правую руку. Хотя так ему труднее было ползти, но он не выпускал гранаты, держа её таким образом, чтобы метнуть в первое же опасное мгновение. Потом он вспомнил о приказе. Ну, что же, вторую гранату, в крайнем случае, он бросит себе под ноги. Впро-

чем, ещё через полсотни шагов он начал отгонять эти мысли. Подсознательное чувство говорило ему, что и на этот раз всё сойдёт. И действительно, он дополз до развалин на той стороне и ни одного выстрела за всю дорогу не раздалось над его головой.

— Опять ты, Сабуров? — сказал Григорович.

— Опять я.

— А Филипчук где?

— Убит.

— Где убит?

— Там, близко к той стороне.

— Что, на берегу лежит?

— На берегу, но у наших.

Он вспомнил мёртвое лицо Филипчука. Возвращаясь сюда, Сабуров спросил у командира роты, вытащен ли Филипчук. Узнав, что вытащен, он захотел посмотреть, где лежит тело, и посветил ручным фонарём в лицо Филипчуку. Лицо было бледно. Кто-то из красноармейцев стёр грязь и кровь. И в сотый раз в жизни Сабурову странно было, что вот с этим человеком какой-нибудь час назад он перешёптывался: «Ты здесь?» — говорил он. «Я здесь», — отвечал Филипчук.

Войдя к Ремизову, Сабуров вручил ему приказ. Ремизов прочёл приказ, потом спросил о Филипчуке. Повторился тот же короткий разговор, что и с Григоровичем.

— А документы не принёс? — спросил Ремизов.

— Нет, я их генералу отдал.

— Хорошо, — сказал Ремизов.

— Да, — вспомнил Сабуров, — надо сигналы дать, что я добрался. У вас зелёные и красные ракеты есть?

— Должны быть. Ну-ка, посмотри, Шарапов, есть ракеты?

— Нет, товарищ полковник, ракеты все.

— Нет ракет, — сказал Ремизов.

— Тогда надо будет дать три автоматных очереди трассирующими над Волгой.

— Это можно, — сказал Ремизов и снова крикнул: — Шарапов!

Появился Шарапов.

— Помоги мне встать.

Шарапов помог ему встать, и он, кряхтя и разминаясь, пошёл по блиндажу.

— Дай мне автомат. Диск у тебя есть с трассирующими?

— Пожалуйста, вложен.

— Дай сюда. Пойдёмте, Сабуров. Я сам на радостях, что вы добрались, сигнал дам. Редко нашему брату, полковнику, приходится самому оружие пускать в ход. То ли дело, когда я в ту германскую поручиком был, охотником ходил, немцев в траншеях резал. Я был маленький, да увёртливый. Вот как. А теперь нельзя, не по чину. Ну, — добавил он, поднимая автомат, — куда же? Сюда стрелять? Так договорились?

— Так, — сказал Сабуров. — Подождите, подождите, я же спутал. Вот усталость проклятая! Не три очереди, а из трёх автоматов сразу.

— Значит, целый залп? Шарапов! — крикнул Ремизов назад, в землянку.

— Да? — появился из землянки Шарапов.

— Возьми свой автомат, пусть ещё кто-нибудь возьмёт с трассирующими. Выходи.

Шарапов и ещё один автоматчик вышли из блиндажа.

— Становись рядом со мной, по команде «раз, два, три» давай длинную очередь, все вместе. Я ниже, ты повыше, а он ещё выше — совсем на луну. Будем считать, что это салют погибшему Филипчуку. Как, по-вашему, а, Сабуров?

— Конечно, — сказал Сабуров.

— Хороший был командир, жалко его, — сказал Ремизов и обратился к бойцу: — Ну-ка, дай свой автомат капитану. Возьмите, Сабуров. Помянем товарища.

Небо уже начинало сереть, когда по команде «три» они выпустили по автоматной очереди. Светящиеся трассы пуль, изгибаясь где-то в конце пути, взлетали высоко в тёмносером воздухе над Волгой. Ремизов и Сабуров посмотрели друг на друга.

— Ну, — сказал Сабуров, готовясь добавить, что ему пора итти обратно.

Но Ремизов угадал его мысль и сказал как-то особенно, по-отечески и твёрдо:

— Нет, не пущу вас, уже светает. И вообще не пущу. До трёх раз судьбу испытывать можно, больше не надо. Пробьёмся завтра ночью, вот и будете обратно.

— У меня там батальон без командира, — сказал Сабуров.

— А у меня тут два батальона без командиров, — ответил Ремизов. — Сейчас идите спать. Шарапов, устрой капитана на комиссарскую койку. Погиб у меня комиссар. Очень хороший был человек. Прекрасный человек. Только что месяц назад из райкома партии прислан. Воевать не умел, а бодрость душевную даже в меня, в старого волка, вселял. Очень жалею. Даже удивительно, как жалею, — и он вытер неожиданно показавшиеся в углах глаз слезинки. — Пойдёмте в блиндаж.

Отзывы и пожелания издательству направляйте по адресу: Ленинград, Невский проспект, 28. Детгиз.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор *Е. Рогова.*

Художник-редактор *Ю. Киселев.* Техн. редактор *Н. Суслянникова.* Корректор *А. Петрова.* Печ. л. $2^1/_4$. Авт. л. 1,26. Уч.-изд. л. 1,64. Тираж 200.000. М-17788. Подписано к печати 1-VII 1949 г. Заказ 158. 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства Просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.

50 к.